

Казимир Баранцевич

На мельнице



Казимир Баранцевич

На мельнице

«Public Domain»

1903

Баранцевич К. С.

На мельнице / К. С. Баранцевич — «Public Domain», 1903

«Что это шумить, Алена? Колеса, что-ли?— Какое тебѣ колеса, Господь съ тобой, Гаранюшка!— Колеса, право колеса! Нешто мельница работает?— Да не работает она, Гаранюшка, ужъ четвертый день!— Полно, тебѣ! Померещилось, видно! Вонъ ты какой горячій!...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I.	5
II.	6
III.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Казимир Станиславович Баранцевичъ

На мельницѣ

I.

Что это шумить, Алена? Колеса, что-ли?

– Какое тебѣ колеса, Господь съ тобой, Гаранюшка!

– Колеса, право колеса! Нешто мельница работаетъ?

– Да не работаетъ она, Гаранюшка, ужъ четвертый день!

– Полно, тебѣ! Померещилось, видно! Вонъ ты какой горячій!

– Шумить! Я тебѣ говорю – шумить! Вонъ и вода бѣжитъ вонъ, вонъ, такъ и дробится подъ колесомъ, что жемчугъ разсыпается! А жемчугу-то, жемчугу сколько!

Больной Герасимъ вскочилъ съ кровати и, указывая на полъ рукой, бросился къ двери.

– Куда ты, куда ты! – крикнула жена, уцѣпившись за край рубахи, – Вася, Иванъ, помогите!

Дверь свѣтелки открылась и вошелъ здоровый, рослый мужчина, братъ Герасима – Иванъ.

– Ты что шумишь? Зачѣмъ всталъ? – спросилъ онъ брата.

Но тотъ, не слыша вопроса, тянулся къ двери, указывая на полъ.

– Вонъ, вонъ, бѣжитъ. Пѣна клубится! – говоритъ онъ.

– Мерещится ему, Иванъ! Тѣло-то какъ огнемъ пышетъ!

Иванъ молча взялъ брата за руку, отвелъ къ кровати и положилъ.

– Лежи! сказалъ онъ строго, – полно тебѣ!

Больной пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.

– Иванъ! – произнесъ онъ тихо.

– Узналъ?.. Слава тебѣ Господи! – заговорилъ братъ, кладя свою большую, тяжелую руку больному на плечо.

Лицо того все болѣе и болѣе прояснялось. Щеки поблѣднѣли, опали, глаза сдѣлались кроткими, спокойными и жалостливо смотрѣли на брата.

– Узналъ, да! – прошепталъ больной, – ты Иванъ, а вонъ жена... Алена... горница моя... да, узнаю все!.. Шубу... шубу дай!..

– На что тебѣ шуба?

– Прикрой, холодно... При-к-к-к-ро-о-ой, бр-р-р-ать!..

Его начала трясти лихорадка. Онъ съежился, поводитъ худыми, острыми плечами, подкорчивалъ ноги. Онъ никакъ не могъ согрѣться, и все тянулъ шубу – до самой головы.

– Поди-ко, Алена, завари ему теплаго чего, малины, что-ли! – сказалъ Иванъ, – можетъ согрѣется!

Елена Тимофеевна вышла изъ горницы.

Въ незапертую дверь заглянула курчавая голова мальчика и скрылась, потомъ опять заглянула. Мальчику и хотѣлось подойти къ отцу и боязно было, – до того измѣнила болѣзнь Герасима, сдѣлала его такимъ худымъ, костлявымъ, страшнымъ!

Ознобъ прошелъ. Больной легко перевелъ духъ, вытянулся, точно послѣ тяжелой работы.

– Полегчало? – спросилъ, наклоняясь, Иванъ.

– Ништо! – тихо отвѣчалъ больной, – руки, ноги болятъ... Изломало!..

Въ дверяхъ показалась Елена Тимофеевна съ чайникомъ.

– Не надо! – махнулъ ей рукой Иванъ.

II.

Герасимъ простудился ранней весною на этой же мельницѣ, провалившись по поясъ въ плотину, покрытую рыхлымъ талымъ льдомъ. Ему-бы, придя домой, снять мокрое платье, обсушиться, обогрѣться, а онъ подумалъ: что за глупости, чего привередничать! да пошелъ ходить по мельницѣ-то другое посмотреть, обладить, а про то, что мокръ по поясъ, – забылъ.

Въ ту же ночь его схватила лихорадка, да такъ и не отпускала вторую недѣлю. Изсохъ весь Герасимъ, позыва на пищу лишился, почти безъ сна все время маялся. Только что закроетъ глаза, ужъ ему что-то нескладное, несбываемое чудится: то будто мельница на него валится, то будто онъ въ колесо попалъ, и никакъ ему оттуда не изворотиться. Своихъ сталъ не узнавать-чужими они ему начали казаться. Одинъ разъ чуть въ окно не выпрыгнулъ.

А когда приходилъ въ себя, – опять начинала трясти его лихорадка и трясла до того, что послѣ Герасимъ не могъ не только-что подняться, но даже рукой пошевелить. Нужно было лежать вмѣсто того, чтобы работать. Герасимъ зналъ, что работы сколько угодно, зналъ, что брату Ивану трудно справляться одному, и ничего не могъ подѣлать, приходилось лежать, да на бревенчатые стѣны горницы смотрѣть, глаза пялить. И досадно, и обидно было Герасиму. Пробовалъ онъ встать, но только спустить ноги съ кровати, только попробуетъ подняться, – голова закружится, и онъ опять на постель валится. Ивану одному не справиться было съ работой, – нужно было нанять работника, и это въ досаду было Герасиму, – работнику жалованье подай да прокормить нужно.

А здоровье Герасима не только не улучшилось, – становилось день ото дня хуже, и въ послѣднее время Герасимъ ужъ не пытался вставать, – въ лежку лежалъ.

Лежить и слышитъ иногда: жена войдетъ въ горницу, постоитъ, посмотритъ на него, заплачетъ, – прочь пойдетъ; работникъ Сидоръ за чѣмъ ни на есть сунется, тоже поглядитъ на него, какъ на покойника, покачаетъ головой, прочь пойдетъ. Телѣгу разъ услышалъ, какъ подѣхала, колеса застучали... Спросилъ потомъ у брата, что за телѣга была, – сказывалъ тотъ будто хозяинъ, у котораго мельницу арендовали, купецъ Глоткинъ, прїѣзжалъ, мельницу осматривалъ, говорилъ, что ветха становится, нужно-бы другую ставить. И это очень обрадовало Герасима! Новую мельницу если поставитъ, больше работать будетъ, больше дохода давать. А только вотъ болѣзнь сокрушила! И привязалась же этакая дрянь, что никакъ отъ нея не избавиться, – тутъ бы работать да работать, – анъ лежать приходится.

Настала Страстная недѣля, послѣдніе дни подошли. На мельницѣ шли приготовленія къ празднику: Елена Тимофеевна съ стряпухой Маврой и варила, и пекла. Ребятишки яйца красили въ краску разную да луковые перья. На пятницу теплая погода выдалась. По всему склону, на которомъ за полверсты отъ мельницы стояла деревня, бѣжали въ рѣку ручьи, рѣка вздулась, съ берегомъ почти сравнялась.

Велѣлъ Герасимъ окна въ горницѣ раскрыть, захотѣлось ему весеннимъ, легкимъ воздухомъ подышать. Раскрыли окно, въ него пахнуло весной, слышно стало, какъ птицы щебечуть, воробьи по застрѣхамъ чирикаютъ, голуби воркуютъ. Слышно стало Герасиму, какъ полая вода бѣжитъ, бурлитъ и бучитъ, какъ кипятокъ въ котлѣ, въ первый разъ кукушку услышалъ... Хорошо стало на сердцѣ у Герасима, такъ хорошо, какъ никогда не бывало.

«Весна!» – думаетъ, – «вотъ и весна красна пришла, – всему свобода!»

Глубоко вздохнулъ Герасимъ, повернулся на бокъ и заснулъ. Часъ и другой прошель, – не просыпается Герасимъ.

Пришла Елена Тимофеевна, похлебать кое-чего принесла, стала мужа будить – не добудится. Дотронулась до руки, до головы, – а ужъ онъ холодный, окоченѣть успѣлъ. Тѣло-то вотъ оно, на кровати лежитъ, а душѣ, какъ говорилъ Герасимъ, – «свобода пришла».

III.

Похоронили Герасима, и семья его осталась жить на мельницѣ, у дяди Ивана. На мельницѣ дѣла шли хорошо, съ барышомъ, поэтому Ивану не трудно было содержать двѣ семьи, – свою и братнину, хотя за столъ садилось восемь душъ.

Братья жили въ достаткѣ, ни въ чемъ не нуждались, – было кое-что и залишнее. Была у нихъ тройка хорошихъ разгонныхъ лошадей, на всѣхъ сбруи съ наборомъ, сани троечныя, господскія, съ хорошей полостью, была пара битюговъ рабочихъ, двѣ коровы и мелкаго скота, и птицы достаточно.

И вещи хорошія были у нихъ, золотыя, серебряныя, шубы енотовыя и всякаго платья и скарба достаточно. По-этому Иванъ не тужилъ, оставшись одинъ хозяиномъ, – надѣялся всѣхъ прокормить

Одно только смущало его, что мельница приходила въ ветхость, и Иванъ предвидѣлъ то время, когда нельзя будетъ на ней работать.

И вотъ однажды, вскорѣ послѣ похоронъ брата, запрягъ онъ въ телѣжку своего любимаго сѣраго рысака и поѣхалъ къ Петру Селиверстовичу Глоткину, въ городъ.

Петръ Селиверстовичъ былъ еще нестарый человѣкъ, лѣтъ 43–45, и отличался, по временамъ, разными причудами. то откостъ конскій заводъ, закупить дорогихъ лошадей, матокъ, потомъ вдругъ ему все надоѣстъ, и конскій заводъ идеть въ продажу за безцѣнокъ, То начнетъ молочный скотъ разводить, масла выдѣлывать, сыры варить, и опять все хозяйство рушится. Но при этомъ, тратя большія деньги на заводы да сыроварни, – Петръ Селиверстовичъ отказывалъ своимъ арендаторамъ въ самомъ необходимомъ; братья не разъ уже говаривали ему о новой мельницѣ, да все безъ толку.

Глоткинъ былъ дома, сидѣлъ въ халатѣ въ своемъ кабинетѣ и говорилъ съ какимъ то усатымъ господиномъ. Ивана онъ принялъ ласково, посадилъ въ кресло, спросилъ, не хочется ли чаю.

Иванъ поблагодарилъ и отказался.

– Ты, поди-ко, опять на счетъ мельницы? – спросилъ Глоткинъ.

– Совершенно вѣрно, – отвѣчалъ Иванъ, – потому всю плотину вымыло водой до материка, и сваи сгнили, совсѣмъ не гожа мельница стала.

– А поправить, починить нельзя?

– Помилуйте, какая тамъ починка! Сваи нужно новыя, а прежде нужно мѣсто расчистить, амбаръ разобрать, да и колеса поломались.

Петръ Селиверстовичъ задумался.

– Нѣтъ, Иванъ, – сказалъ онъ, – не могу я мельницы строить. Мнѣ, вотъ, охота сколько денегъ стоитъ. Борзыхъ пару купилъ, отличныя, англійскія борзья!..

– Да вѣдь мельница-то, Петръ Селиверстовичъ, доходъ даетъ, а отъ борзыхъ вашихъ, кромѣ убытка, ничего!

– Ну, не скажи, – промолвилъ Глоткинъ важно, – хорошая охота большихъ денегъ стоитъ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.